

АЛЬТЕРНАТИВЫ ALTERNATIVES

Читайте в номере:

Экономика России:

- **Социалистический выбор**
С. Дзарасов
- **Общественная собственность
и производственная демократия**
Д. Эпштейн
- **Общенациональное планирование**
А. Бузгалин, А. Колганов
- **Экономическое развитие**
М. Воейков

а также:

дискуссия: В. Пантин

**«Украинский разлом»
и украинская трагедия:
кто виноват и что делать?**

1 (86)
2015

АЛЬТЕРНАТИВЫ **ALTERNATIVES**

**Теоретический
и общественно-политический
журнал**

**№ 1 (86)
2015**

Оно Намито

ИФ.1473. Оп. 2. 7.3.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Воейков</i>	Предисловие к номеру	4
IN MEMORIAM		
<i>Г. Цаголов</i>	Солтан Дзарасов: современник будущего	6
НА ВСТРЕЧУ МОСКОВСКОМУ ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ФОРУМУ		
<i>С. Дзарасов</i>	Социалистический выбор российской цивилизации	16
<i>М. Воейков</i>	Экономическое неравенство и экономическое развитие России	26
<i>Д. Лэйн</i>	Будущее российской экономики в глобализованном мире: уроки Востока и Запада	42
<i>А. Бузгалин, А. Колганов</i>	Общенациональное планирование: перезагрузка	52
<i>А. Московский</i>	Почему мораторий на кадровые и управленческие решения РАН и ФАНО должен быть продолжен?	70
ТЕОРИЯ		
<i>Д. Эпштейн</i>	Модели социализма, общественная собственность и производственная демократия	75
<i>Фэн Сян</i>	Конец интеллектуальной собственности: проблемные аспекты за рамками «китайской модели»	97
<i>Г. Касьянов</i>	К деконструкции антиэкстремистского дискурса	109
ПРАКТИКА		
<i>О. Кололов</i>	Политически активный человек: классовая борьба и социальный протест	120
ДИСКУССИИ		
<i>В. Пантин</i>	«Украинский разлом» и украинская трагедия: кто виноват и что делать?	129
ПОРТРЕТЫ		
<i>Г. Цаголов</i>	Станислав Меньшиков: судьба пророка в России	141
<i>А. Алов</i>	Жизнь и судьба Ю.М. Слободкина	151
РЕЦЕНЗИИ		
<i>С. Мареев</i>	Ленин и Плеханов: русский марксизм	159
<i>Д. Эпштейн</i>	Книга, чтение и осмысление которой возвышает	175
<i>А. Истягин</i>	Горизонты реального гуманизма	182
ПИСЬМА		
<i>М. Александрова</i>	Настроения в Германии	197

ЛЕНИН И ПЛЕХАНОВ: РУССКИЙ МАРКСИЗМ

(Размышления над книгой)

*Мареев Сергей Николаевич –
д.филол.н., профессор, зав. каф.
философии СГА*

В наше время, когда Ленина принято шельмовать и порочить, выход нормальной книги о Ленине уже весьма знаменательное событие. Но книг о Ленине за последнее время вышло не одна, а целых две, и обе очень солидные, я имею в виду не только то, что они «толстые», но и то, что имеют довольно богатое содержание. Первая из них называется «Ленин online. 13 профессоров о В. И. Ленине» вышла в издательстве URSS (Москва, 2010), вторая под названием «Русский марксизм: Георгий Валентинович Плеханов, Владимир Ильич Ульянов (Ленин)» в издательстве РОССПЭН (Москва, 2013). В написании первой приняло участие, как это обозначено в названии книги, 13 профессоров, в написании второй – почти в два раза больше, и не только профессоров, но здесь имеются даже два заслуженных деятеля науки и один академик. Поэтому понятно, что если о каждом из авторов сказать хотя бы пару ласковых слов, то получится довольно объёмное сочинение. И для того, чтобы сказать что-то по существу, просто не останется места. Но, во-первых, на моё счастье в обоих изданиях принимают участие во многих случаях не только одни и те же авторы, но те же авторы с теми же, или почти теми же, идеями. Видимо, они самые выдающиеся и квалифицированные специалисты по Ленину, и потому там, где Ленин, там и они. Во-вторых, я все-таки постараюсь говорить не о персоналиях, а о проблемах. Впрочем, вторая книга не только о Ленине, но и о Плеханове, и это тоже, как сейчас говорят, расширяет проблемное поле: тут неизбежно надо сравнивать решение каких-то проблем тем и другим, ведь они не только единомышленники, но и противники: один – «большевик», другой – «меньшевик».

Георгий Валентинович Плеханов – первый русский марксист. И поэтому именно о нем должна идти речь в первую очередь. Эту часть открывает текст **Даниэлы Стейлы** из Турина «Теория познания Г. В. Плеханова и ее философские истоки». Обсуждать эту тему в книге о Плеханове и Ленине, видимо, следовало бы, сопоставляя теорию познания Плеханова и теорию познания Ленина, учитывая критику Лениным Плеханова в книге «Материализм и эмпириокритицизм» и, в особенности, в «Философских тетрадах». Но этого, к сожалению, нет. Проблема теряет остроту, а потому это не так интересно.

Некоторую противоположность тексту Д. Стейлы представляет собой следующая за ней статья доцента Минского Университета **М. А. Гусаковского** «К проблеме человека в философии Г. В. Плеханова». Здесь автор сразу, как говорится, берет быка за рога: по проблеме человека Плеханов представляет точку зрения старого домарковского материализма, а также антропологического материализма Л. Фейербаха, а не материализма Маркса. Психологическому дуализму Фейербаха, который разделяет и Плеханов, автор противопоставляет монистическую точку зрения Спинозы и Ильенкова, на которую он и пытается опереться в своей критике «антропологии» Плеханова. Жаль только, что автор использует свой текст 1979 года. С тех пор, как говорится, много воды утекло. Вышла, между прочим, посмертно книжка Э. В. Ильенкова «Диалектика Ленина и метафизика позитивизма», которая непременно должна фигурировать в теме Плеханов – Ленин. Впрочем, об этой книжечке Ильенкова и все остальные молчат, как партизаны.

«Плехановинуану» уважаемой **Татьяны Ивановны Филимоновой** я оставляю без внимания, потому что не вижу, что тут обсуждать, проблемы не вижу. Следующий за этим текст **И. Н. Сиземской** «Исторический монизм Плеханова» я бы тоже проигнорировал, потому что, какой же это «монизм», когда, как отмечает сама Сиземская, Плеханов «допускал формулировки типа «марксизм есть дарвинизм в его применении к общественному знанию, за которые его упрекали в уступках социал-дарвинизму» (С. 107). Правильно упрекали! Это, в лучшем случае, социо-природный дуализм в духе Ивана Тимофеевича Фролова, а не монизм Маркса, согласно которому должна быть одна основа и для жизни, и для науки.

Далее идёт **Г. Г. Водолазов**, «Уроки Плеханова: метод, теория, революционное действие». Тоже текст немножко древний: 1983 год, тридцать лет прошло. И каких лет! Тут каждый год за десять! А мы все пробавляемся преданьями «старины глубокой», «времен очаковских и покоренья Крыма». Правда, мы теперь снова «покоряем» Крым, только отбиваем его уже не у турецкого султана, а у «майдана».

Известен упрёк Ленина Плеханову в «Философских тетрадах», что он не понял диалектику как логику. Но многие проходят мимо этого, не осознавая того, что именно отсутствие диалектического мышления помешало Плеханову, и не раз, понять своеобразие исторического момента. Первый раз в 1905 г., когда после поражения декабрьского вооружённого восстания он сказал: «Не надо было браться за оружие», а второй раз, уже в 1917, когда и после победы Октябрьского вооружённого восстания он написал петроградским рабочим, что напрасно они победили. А диалектика такова, что тот, кто не оказывается на одной стороне, оказывается на другой. Во всяком случае, Деникин, по некоторым сведениям, приглашал Плеханова к себе на Дон. И неизвестно, что было бы дальше, если бы тот был здоров и пожил

бы ещё годика два-три. И не случайно «социалисты» Струве и Туган-Барановский оказались в Крыму у Врангеля.

Григорий Григорьевич поступает очень верно, что сталкивает между собой две противоположные оценки Лениным теоретического наследия Плеханова: «...*Нельзя* стать сознательным, *настоящим* коммунистом без того, чтобы изучать, - именно *изучать* – все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма». И другая оценка: «...Способ рассуждения, нередко встречающийся у социал-демократов правого крыла с Плехановым во главе – т. е. стремление искать ответов на конкретные вопросы в простом логическом развитии общей истины об основном характере нашей революции, есть опoшление марксизма и сплошная насмешка над диалектическим материализмом» (С. 109-110).

Диалектика учит, что противоположности не только исключают друг друга, но и *переходят* друг в друга: верность марксистским принципам, понятым *догматически*, оборачивается изменой марксизму. Как говорили старые советские марксисты, понятия должны быть *гибкими*. Это так. Но гибкость твоих понятий не должна стать гибкостью твоего позвоночника. И ты не обязан прогибаться перед каждой победившей партией только потому, что она победила. Во имя сохранения чести и достоинства надо бороться даже тогда, когда знаешь, что твоё поражение неизбежно. Ленин критиковал народников за их экономический романтизм, но он не только не критиковал их за их революционный романтизм, за беззаветное служение народу, а не власть предрержащим, а ставил их в пример *всем* революционерам.

Нужно двигаться, говорит Григорий Григорьевич, от абстрактного к конкретному. Потому что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна, как говорил старик Гегель. И от Плеханова нужно вернуться немножко назад, к Гегелю, чтобы потом прийти к Ленину. Но главное, как понять сегодняшний момент: должны ли мы, как призывал с балкона Моссовета Гаврила Попов, открывать лавки, раз социализм потерпел поражение, или вспомнить старых русских бомбистов. Выход тут, видимо, один – *думать*.

«Линию» Г. Г. Водолазова в определённом отношении продолжает **А. В. Бузгалин**. «*Георгий Плеханов: к проблеме реактуализации и самокритики классического марксизма*». Так называется его глава. Надо сразу же заметить, что Георгий Валентинович Плеханов последнее время стал популярен. И один «товарищ» объяснял мне, почему. Дело в том, растолковывал он мне, что если бы мы пошли не по пути Ленина, т. е. по революционному пути, а по пути западной социал-демократии, к которой тяготел Плеханов, то мы бы сейчас жили так же вольготно, как и на Западе. Это настроение понятно. И понятно желание приподнять Плеханова, чтобы опустить Ленина. Ученик и соратник Плеханова А. М. Деборин говорил так: Плеханов – гениальный *теоретик*, а Ленин – великий *практик*. И эта версия держалась до 1931 г., пока товарищ Сталин не дал по мозгам Деборину и всем, которые были с ним и выдвинул свою версию: *ленинизм есть марксизм эпохи империализма и социалистических революций*. До того понятия ленинизма не было, а было понятие марксизма в его деборинско-плехановской версии. И не было ленинской диалектики, а был деборинский «диамат» и бухаринско-богдановский «истмат». Ленинская книга «Материализм и эмпириокритицизм» замалчивалась или третировалась. Все рецензии, которые были на неё написаны и опубликованы, были в общем отрицательные. «Философские тетради» тоже никак не вводились в оборот. Серьёзное отношение к этим работам Ленина началось только в 50-е – 60-е гг. Появилась тема: Ленин – философ. Теперь, если такое скажешь, тебя поднимут на смех. Но Ленин был (и остался) не только философом, но и *выдающимся* экономистом. А. В. Бузгалин поднимает и эту тему.

В нынешних курсах истории экономических учений Ленина-экономиста как правило нет. Из русских есть Посошков, есть Чаянов и Кондратьев, а вот Ленина нет. Г.Д. Гловели в своей, в общем-то, солидной книге «История экономических учений» (М., 2013), написанной, в отличие от аналогичного издания под редакцией В.Автонова и О.Ананьина, нормальным человеческим языком, отводит Ульянову-Ленину почти шесть страниц, но посвящены они не экономике, а «первенству политики над экономикой». Хотя политика, в другой версии Ленина, есть «концентрированное выражение экономики». Между тем, первые работы Ленина были «Развитие капитализма в России» и «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Это был некоторый аналог «Капитала» Маркса, суть которого лучше Ленина так никто и не понял. Ленин понял, что «Капитал» - это не только экономическое, но и философское произведение. И когда русские народники приставали к марксистам с вопросом, где, в какой книге Маркс изложил своё материалистическое понимание истории, Ленин указывал им, прежде всего, на «Капитал». И очень странно, что в хронике основных событий жизни и творчества В.И. Ульянова (Ленина), составленной А. В. Бузгалиным, не упоминается выход первых работ Ленина, которые были, ещё раз отметим, *экономическими*. А, кроме того, никто так хорошо не охарактеризовал метод Маркса, как Ленин в этих работах.

А. Бузгалин считает, что экономическая теория Плеханова верна для индустриальной капиталистической общественно-экономической системы периода ее «классической» формы. «Однако, - пишет он, - для нас важна прежде всего не верность букве текстов Маркса и не анализ того, насколько точно эту «букву» интерпретировал в своих текстах Плеханов: эту проблему мы оставим историкам марксизма. Для автора этого текста наиболее значимо другое. А именно то, что в точном соответствии не только с методологией, но и с теорией марксизма мы можем и должны сказать: *в той мере, в какой капиталистическая общественная система изменилась по сравнению с теми ее параметрами,*

которые исследовал Маркс, - в этой мере теоретические положения классического марксизма должны быть «неверны». Точнее так: открытые Марксом законы должны в этой мере или не действовать или действовать по-другому. В полной мере это относится и к творчеству Плеханова, который практически полностью в своих работах оставался в рамках проблемного поля исследования классической капиталистической системы и её генезиса» (С. 140).

В общем, это верно и справедливо по отношению к Плеханову. Но, видимо, надо чётче сказать следующее. Материалистическое понимание истории, и его отличие от догматического «истмата», состоит в том, что оно не есть «теория» вечных и неизменных законов истории и человеческой жизни. Законы у каждой общественной формации, как это заметил Ленин, *свои собственные*. И они меняются не только при переходе от одной формации к другой, но они меняются и модифицируются в пределах одной и той же формации. В эпоху *монополистического* капитализма законы свободного конкурентного капитализма, свободного рынка уже не действуют. Цена и норма прибыли уже не определяется рынком, а назначается, «вменяется», монополистом. У Маркса такого не было. И это понятно, потому что и монополии ещё не было. Как можно говорить о законах того, чего ещё нет. Законы истории меняются, становятся по мере развития самой истории, по мере становления новых форм общества. Поэтому есть вопросы, как писал Ленин, на которые даст ответы только будущая история. И какие сюрпризы она нам преподнесёт в будущем, об этом мы можем только гадать. Мы можем наверняка сказать, что люди не будут в будущем пахать сохой и служить молебен о ниспослании дождя во время засухи. В общем, *назад* у истории пути нет, хотя возвраты к старому, или *якобы* к старому, возможны и бывают. Мы тоже как будто бы вернулись на сто лет назад. И некоторые понимают это буквально: и царь у нас должен быть, и дворянство, о чем страстно мечтал Никита Сергеевич Михалков. Но чтобы вернуться буквально, нам снова надо восемьдесят процентов населения вернуть в деревню и превратить в крестьян, снова на железной дороге перейти на паровозную тягу, и отнять у людей компьютеры и телевизоры, а самое главное отучить людей читать и писать, и вообще думать. Но здесь, как любил говорить Михаил Александрович Лифшиц, то, что жизнью взято раз, не в силах рок отнять у нас.

Конечно, хотелось бы очень эту тему развивать и дальше. Тут можно много обсуждать. Но, как говорит пророчица Эрда в «Гибели богов» Вагнера, *alles, was ist, endet*, все кончается. И кончается отпущенное нам время. **С. Х. Бэрон**, профессор из США, в определённом отношении продолжает эту тему. И его статью тоже хотелось бы обсудить. Но, увы... А мы ещё должны обсудить книгу не только в части Плеханова, другая часть, чуть больше половины, посвящена Ленину. И здесь надо заметить, что многие статьи о Ленине в эту книгу, с некоторыми изменениями или сокращениями, перешли из книги «Ленин online», но статья, о которой мы сейчас скажем, не могла быть в том издании. Почему, - это будет понятно сообразительному читателю из дальнейшего. (Текст А. В. Бузгалина «В. И. Ульянов: Философия, опредмеченная в историческом процессе» мы пока пропустим, чтобы, так сказать, не терять темпа.) Итак...

Самой выдающейся статьёй о Ленине во всей книге, и даже, может быть, не только в этой книге, является статья **В. А. Бажанова** «Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и развитие теории познания и философии науки в XX в.». Ругнуть непременно Ленина стало, видимо, паролем на право входа в «открытое общество». А хороший повод для этого даёт сам Ленин своей «ненормативной» лексикой, как сказано в статье Бажанова. Автор – «заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, действительный член Academie Internationale de Philosophie des Sciences, зав. кафедрой философии Ульяновского государственного университета», - так написано в «Сведениях об авторах», - Бажанов Валентин Александрович. Что же это за «ненормативная для настоящего философского произведения» лексика? – Речь идёт о «философском произведении» Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». – Ergo, книга Ленина – не настоящее философское произведение. А «лексика» такая: «кривляка» (по отношению к Авенариусу), «урядник» (по отношению к Г. Корнелиусу) или «философские Меншиковы», «которого Ленин называл «сторожевым псом царской чёрной сотни»» (С. 295).

Не будем придираться к тому, что если Меншиковы, то не «которого», а «которых». Грамматика русского языка в наше время слабое место даже у заслуженных академиков. Но чего здесь ненормативного? Это примерно, как случай с моим соседом, который пожаловался, что дети написали ему на заборе, как он мне сказал, «обидное слово из трёх букв». Я в ужасе подумал о «ненормативном» слове. Но когда все же осмелился спросить, что это за слово, из трёх букв, то в ответ услышал, - о, ужас! – это было слово «лох». Слово «лох» в переводе с немецкого на русский это просто «дырка», «пещера», «нора». Вот и у Бажанова «кривляка» - ненормативное слово. Обидное? – Да! Но что, если это на самом деле так?

Так называемые философы, в особенности заслуженные академики, часто люди без чувства юмора. И они не только не могут от души посмеяться, в том числе и над самими собой, а ведут отчаянную борьбу со «смехогенными аппроксимациями». Ну, а если все-таки подавить в себе «смехогенные аппроксимации» и взглянуть на дело серьёзно, хотя это очень трудно? Что же остаётся, как говорят, в сухом остатке? В «остатке», - не смейтесь, - остаётся Поппер.

Да-да, тот самый Поппер, который Карл и который написал про «открытое общество» и «нищету историцизма». Не верите? – Послушайте самого заслуженного деятеля. После того, как он сообщил, что Поппер был «непримиримым и

энергичным критиком марксизма», далее идёт: «Однако мало кто знает, что в 1919 г. совсем молодой К.Поппер вместе с одним венгерским коллегой, хорошо знавшим русский язык, переводил «Материализм и эмпириокритицизм» на немецкий язык. И К. Поппер, и другие постпозитивисты (особенно И. Лакатос и П. Фейерабэнд) считали Ленина одним из предтеч фаллибилизма благодаря его интерпретации в «Материализме и эмпириокритицизме» идей П. Дюгема, к которому вождь мирового пролетариата явно благоволил в силу взглядов последнего на развитие физических теорий с точки зрения познания истины, хотя и порицал за идейные «шатания». Гегель и особенно В.И. Ленин – концептуальные источники современного фаллибилизма, предложенного и развитого К. Поппером в весьма жёсткой форме...» (С. 295–296).

Я прошу прощения у читателя за эту нескладную и громоздкую фразу. Но из неё, во-первых, следует, что Ленин – «предтеча» Поппера, хотя Ленин, скорее всего, не знал, что такое «фаллибилизм», - может быть, это тоже какое-нибудь «ненормативное» слово. Во-вторых, оказывается, что-то философское в этой работе Ленина есть, хотя, как настойчиво подчёркивает академик Бажанов, Ленин «писал не философский, а политический текст» (С. 295). А главное, собственно о Ленине в статье только процентов тридцать. А остальное про Поппера, про попперов и про себя.

В последнем случае я имею в виду, например, такое утверждение поклонника Поппера: «На рубеже XX и XXI вв. в России была разработана *эпистемологическая* концепция, которая в полной мере реализует деятельностный подход, естественным образом приложимый и к философии науки. Она энергично разрабатывалась И. С. Алексеевым, В. А. Лекторским, М. А. Розовым, Г. П. Щедровицким» (С. 297).

Так вот, деятельностный подход существовал задолго до рубежа XX – XXI столетий. Скажем, в книге Л. К. Науменко «Монизм как принцип диалектической логики» (Алма-Ата, 1968) этот самый подход представлен и реализован применительно к пониманию предмета математики и предмета лингвистики. И этот подход разрабатывался всеми марксистами, которые шли от Маркса, от его критики *созерцательного* материализма. Это и так называемая культурно-историческая школа в советской психологии Л.С. Выготского-А.Н. Леонтьева. Это Э.В. Ильенков, который заявил об этом подходе уже в 50-е годы XX века, а в 1962 г. вышла его знаменитая статья об идеальном в «Философской энциклопедии», где дана именно деятельностная трактовка идеального. Потом Г. С. Батищев, потом В. И. Швырев и целая плеяда киевских философов. Почему же надо писать только о своём собственном клане? А Л. К. Науменко, вот он, рядышком. И опять-таки о деятельностном подходе.

Текст **Льва Константиновича Науменко** называет «*Диалектика как логика: пролог к гуманистическому материализму*». Текст перешёл из книги о Ленине, но со значительными сокращениями: в сокращение ушла вся критика махизма. Но работа-то Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», о которой в данном случае идёт речь, и посвящена критике махизма. Ее полное название: «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии». «Реакционная философия» - это и есть *эмпириокритицизм*, или, просто, *махизм*. Царская цензура в 1909 г. эту книгу пропустила. Редакторы и составители данного издания, которое выходит уже в «открытом обществе», критику этой «реакционной философии» не захотели пропустить.

Обычная реакция образованного обывателя на «реакционную философию» такая. Как можно обзывать реакционной философию великого физика Эрнста Маха? Этот человек стоял у истоков теории относительности Эйнштейна! Его именем названа единица измерения скорости в авиации - «мах»! И т. п. Но, простите, никто и не говорит, что *физика* Маха «реакционная». Речь-то идёт о реакционной *философии*. А если вы считаете, что это одно и то же, физика и философия, то это значит, что вы не понимаете, что такое философия. Обыватель считает, что философия - что-то такое, что совсем рядом с физикой, что-то такое, что *после* физики. Это *мета-физика*. Да, была и есть такая философия. Но были и такие философы, как Сократ и Платон, у которых не было никакой физики. Но философия-то у них была. И Сократ чётко определил предмет своей философии - Человек, его познание, его мышление, его всеобщий нравственный закон. И так *вся* классическая философия до Гегеля включительно: философия это о Мышлении, а не о «мире в целом». Какое это имеет отношение к науке, скажем, к физике? А какое отношение имеет к физике мышление? Наука и есть мышление о том, или об этом. Какая же наука без мышления? И Вернадский очень верно и хорошо определил: Наука есть Всеобщий Интеллект Человечества. А Мах этого, простите, совершенно не понимает. Но подзаголовок своей работе «Познание и заблуждение» даёт такой: «Очерки по психологии исследования». По *психологии*! А психология - наука о *душе*. И путать душевные, духовные явления с физическими уж никак не позволительно. Такие вещи чётко различал уже великий Аристотель, у которого есть трактат «О душе» и есть «Физика».

Обыватель, член «гражданского общества», этого никак понять не может. И не может понять, что человек способен быть гениальным физиком и плохим философом. Лев Толстой был великим художником. Какая Глыба! Какой Человечище! И совершенно жалкая философия: я никого не ем. Непротивление злу. Значит, даже заступиться за обиженного такая философия не позволяет. И потому это *реакционная* философия. А роман «Воскресение» - «зеркало русской революции».

Основной принцип науки, как справедливо установили средневековые схоласты, - тоже «реакционные» философы, - *не смешивать, а различать*. Вот об этом шла речь и в книге Ленина, и в книжке Ильенкова об этой книге Ленина, и в статье Науменко. Здесь есть о чем поговорить. Вот только говорить-то об этом всерьёз никто не хочет. А хотят только «тащить и не пущать».

Вот, например, последний параграф статьи Науменко, «*Отражение или сотворение?*». Помню споры 60-х – 70-х годов, когда сторонники «ленинской теории отражения» обвиняли сторонников деятельностного принципа в субъективизме, кантианстве, фихтеанстве, ставили на вид югославский «Праксис», Роже Гароди и прочие ревизионистские страшилки. Но ведь именно Фихте развил диалектику *продуктивного* и *репродуктивного* воображения: мы репродуцируем, «отражаем», продуцируя, сотворяя нечто. И здесь достаточно на место «продукции» в воображении подставить реальную предметную «продукцию», сотворение неорганического тела человеческой цивилизации, и все встанет на свои места, и мы получим и материалистическую теорию отражения, и материалистическую «эпистемологию». Это было уже у Ильенкова, с которым ещё тогда контактировал Игорь Алексеев, который якобы впервые создал деятельностную «эпистемологию». Только это «отражение» не надо полагать в «фундамент самой материи», как это сделал Мах. И не надо это приписывать Ленину.

Моя рецензия уже грозит превратиться в философский трактат, а я не охватил ещё и половины всего того, что хорошего написано о Ленине. Но я всегда считал, что гораздо важнее порицать зло, чем хвалить добро. Во втором случае ты ничем не рискуешь, никого не обижаешь, все довольны, все смеются. Но, вместе с тем, развить какую-то идею всегда лучше в ходе *критики*. А люди обижаются, когда их не похвалишь. Вот, например, я ничего плохого не могу сказать про статью моего друга **Вадима Межуева** «*Ленинская теория культурной революции как модернизационный проект для России*». Статья замечательная. Вполне оригинальная, хотя речь идёт о вещах мне в общем-то знакомых. Я рекомендовал бы её прочитать всем «культурологам», которые часто пишут о культуре так некультурно. Некоторые «культурологи» даже считают, что культура это «насилие» над личностью. Но кто кого насилует, не всегда понятно.

То же самое я могу сказать о статье **Людмилы Алексеевны Булавки** «*Философия социального творчества: Ленин и XXI в.*». Но вот о статье Славоя Жижека хочется сказать особо. Либералы на всех углах муссируют версию о Ленине и нашей революции: все было бы хорошо, если бы не приехал Ленин в «запломбированном вагоне» и не устроил Октябрьский переворот со всеми последующими ужасами. Ленин приехал в Россию, - о «запломбированном вагоне» надо читать **Владлена Терентьевича Логинова** в первой книге о Ленине, так и называется «*Пломбированный вагон*», - когда Революция уже вовсю *шла*. Революция не заканчивается захватом власти, этим она только *начинается*. И остановить ее никто не был в силах. В игру вступили *собственные законы* революции. И если бы даже Ленин крикнул клич: ребята, хватит, давайте остановимся на этом, революция на «этом» не остановилась бы. Разрыв между Февралём и Октябрём, как замечает Жижек, есть «точная копия разрыва между 1789 и 1793 г. во Французской революции» (С. 410). Это состояние *неустойчивого* равновесия. И чаша весов должна была склониться или в сторону Корнилова, или в сторону Ленина и большевиков. Керенский никого не устраивал и никому не был нужен. И бежал он, - переодевшись не в женское платье, это литературное преувеличение, а матросом, - не от большевиков, а от генералов, навстречу которым он поначалу кинулся, попросив автомобиль у американского посла. «В конкретных российских условиях, - справедливо утверждает Жижек, - у буржуазно-демократического государства нет никаких шансов на выживание – единственный «реалистический» способ защитить подлинные завоевания Февральской революции (свободу организации и печати и т. д.) в том, чтобы продвинуться к социалистической революции, иначе победу одержит царская реакция» (С. 411–412).

Заслуга большевиков и других революционных сил состояла, прежде всего, в том, что они не позволили Февралю скатиться в реакцию. А реакция была бы такой, что полетели бы головы не только Ленина и большевиков. Что случилось бы с Россией, и представить трудно. Как известно, Колчак истребил даже тех «социалистов», которые прибежали к нему, спасаясь от большевиков.

Здесь уместно сказать о статье **Владимира Николаевича Шевченко** «*В. И. Ленин: исторический тупик Российской империи и будущее России*». Автор на добротном анализе работ Ленина показывает, что «нормальное» развитие капитализма в России, в силу ее политической отсталости, было невозможно. Россия была обречена на роль сырьевого придатка передовых стран Европы: Англии, Франции, Германии. Вывести ее из этого тупика могла только революция, - «сверху», или «снизу». Но российского Бисмарка не нашлось. И выход оставался только один – революция *низов*.

Правильно было сказано: нет пророка в своём отечестве. Кто из наших соотечественников сейчас напишет такое о Ленине? А вот что пишет о нем другой иностранец, американский профессор **Андерсон Б. Кевин** в статье «*Открывая Ленина заново: к диалектике философии и мировой политики*». Андерсон пишет, прежде всего, о том, что сегодня имя Ленина, «произносимое в любом позитивно-утвердительно-м смысле, звучит если не раздражительно, то наивно, даже среди левых» (С. 415). Впрочем, левыми, как я узнал с некоторым удивлением в последнее время, называют себя те, кто бузят на Болотной площади. Один только Фромм, как пишет Андерсон, сказал о величии 1917 года и величии фигуры Ленина.

И ещё о «левых»: «Ни один из коллег Фромма по Франкфуртской школе, - пишет Андерсон, - даже те, кто считался приверженцем левых взглядов, например Герберт Маркузе, никогда открыто не говорили таких слов о Ленине. На самом деле философы Франкфуртской школы, когда упоминали Ленина, преуменьшали его значение из-за его «жестокости и вульгарности» (Т. Адорно) или, по крайней мере, допускали некоторую недооценку его значения, так как видели в нем предшественника Сталина, который по необходимости следовал за ним (Маркузе). Маркузе и Адорно никогда не обсуждали «Философские тетради» Ленина 1914–1915 гг. Данный факт особенно удивителен, поскольку они оба довольно много писали об отношении марксизма к Гегелю в течение всей своей карьеры. Тем не менее я полагаю, они, как и западные марксисты 1920-х гг. – Дьердь Лукач, Антонио Грамши и Карл Корш, многим обязаны Ленину и русской революции, придавшим новые импульсы для открытия диалектического ядра марксизма» (С. 418).

Именно в «Философских тетрадях» Ленин чётко прочертил границу в понимании диалектики между ним и Плехановым: для Ленина - это Логика и Метод, для Плеханова - «общая теория развития», доктрина. Об этом прекрасно пишет Андерсон. Опять хочется сказать: нет пророка в своём отечестве. «Диаматчики» (теперь «онтологи») этот вопрос стыдливо обходят. Поэтому я очень бы рекомендовал «диаматчикам» (и «истматчикам» тоже) почитать Андерсона «Открывая Ленина заново: к диалектике философии и мировой политики» и открыть для себя Ленина заново.

Ленин продолжил и развил Маркса. Это, можно сказать, факт. Даже то, что Маркс только собирался сделать, изложить коротко рациональную суть гегелевской диалектики, Ленин, в какой-то мере, сделал за него. Но не надо это ставить на вид Марксу и поднимать Ленина за счёт Маркса. А именно на это похожа статья **И. К. Пантина** «В. И. Ленин: философия политического действия».

«Действовать, действовать, - вот для чего мы существуем!». Так восклицал немецкий философ Иоганн Готлиб Фихте. Всякая философия должна завершиться практическим действием. Так считал Гегель. Маркс целиком окупился в политику, когда стал редактором «Рейнской газеты». Но когда газету за ее демократическую позицию закрыли, Маркс, как он выразился, решил удалиться в рабочую комнату, чтобы уяснить суть дела самому себе. Результатом явилось полное переосмысление гегелевской философии. Спасибо прусской цензуре! А то, может, мы и не получили бы того, что стали называть марксизмом.

Почему я об этом пишу? Да потому, что нельзя отрывать одно от другого, а тем более – противопоставлять одно другому. А то, что пишет И. К. Пантин про Ленина, сразу в этом плане настораживает. «Говоря о Ленине, - пишет он, - мы не имеем права забывать, что он был *политическим мыслителем*, не философом, не социологом, не экономистом, а прежде всего и главным образом политическим мыслителем» (С. 134). Не философ, не экономист. Я уже сказал про Ленина-экономиста. Вернее, я сказал, что в этой книге, и в этом ее серьёзный недостаток, нет Ленина-экономиста. Ленин-философ есть, хотя Бажанов говорит, что Ленин не философ, а только политик, и книга «Материализм и эмпириокритицизм» - «политическая» книга. Все это не так: Ленин и философ, и экономист, и «социолог». И политический деятель, и мыслитель.

Но, тем более, не следует «приподнимать» Ленина за счёт Маркса. Неверно, что у Маркса якобы отсутствует деятельностная сторона. Ленин, по словам Пантина, «осмысливает и разрабатывает *деятельностную* сторону марксистской теории общественного развития – то, что было намечено (не более того) Марксом в его знаменитых «Тезисах о Фейербахе» и связано, как выяснилось, с построением особой мыслительной действительности и решением особых задач» (С. 135). Какая «особая задача»? Задача – *изменить мир!* А Пантин говорит: «не более того». Это какая-то заморочка от людей типа Бажанова. Покойный А. А. Зиновьев иронически обыгрывал этот последний тезис Маркса: раньше, говорил он, философы только объясняли мир, а теперь они не делают и этого. Про Маркса здесь *все неверно!* Сказать, что Маркс не понимал значения массового политического действия, - это верх несправедливости. Но массовое политическое действие может обернуться бунтом, «бессмысленным и беспощадным», если нет руководящей революционной идеи. Идею, считал Маркс, должны дать «философы»: так же, как раньше революция рождалась в мозгу монаха, писал он, теперь она рождается в мозгу философа.

«Как учёный-экономист Маркс, - утверждает Пантин, - особенно в «Капитале», не рассматривает людей в качестве «свободных агентов» исторической деятельности. В заданной им мыслительной действительности он противопоставляет буржуазным иллюзиям объективную логику движения капитала, абстрагируясь от конкретных исторических перипетий. Вот почему, положив начало осознанию реальности, которую не замечала социальная наука прошлого, Маркс не разработал – да и в его время это сделать было бы невозможно – материалистический анализ истории с учётом политической борьбы рабочего класса, культурной и духовной жизни общества и т. д.» (С. 137).

Но в «Капитале» у Маркса действуют очень даже «свободные агенты». Это, во-первых, «агенты» - рыцари первоначального накопления капитала, которые и создали общество, основанное на капитале. (См.: главу о первоначальном накоплении в I томе.) Во-вторых, *объективным законом* капиталистического способа производства является *борьба* между капиталистами и наёмными рабочими за зарплату и рабочий день. (См.: гл. *восьмая* «Рабочий

день»). В том-то и дело, что Маркс *классовую борьбу* возвёл в *объективный закон* именно капиталистического способа производства. Иначе Маркс недалеко ушёл бы от Смита и Рикардо. А какая же классовая борьба без «агентов»?

Конечно, можно понимать «Капитал» Маркса *объективистски*, как его понимали западные катедер-социалисты и русские «легальные» марксисты. Но Ленин-то понял его совсем иначе. И он в борьбе с субъективизмом народников не становится на сторону «объективиста» Петра Струве: социальная истина *объективна*, говорит Ленин, но она включает в себя понимание *противоречия* существующего строя и исторической перспективы его разрешения, а, следовательно – партийную («субъективную») позицию. Ленин не только в своё время говорил, но и сейчас мог бы сказать: плохо знаем «Капитал»! И все потому, что не знаем «Науку логики» Гегеля.

Да, Ленин понимал социализм как *живое творчество масс*. Этому посвящена статья **Людмилы Алексеевны Булавки** «Философия социального творчества: Ленин и XXI в.». Чем актуальна эта тема? Как было уже сказано, примитивное и, мягко говоря, недобросовестное изображение того, что у нас произошло в 17-м году, интеллигентным обывателем трактуется так, что Ленин заварил эту кашу, а мы ее теперь расхлёбываем. И только один какой-то интеллигент недавно по телевизору сказал: революции так не делаются, революция это всегда, прежде всего, революционный подъем *народных масс*. Люди не хотят жить по-старому, как объяснял в «Разгроме» Фадеева Левенсон интеллигенту Мечки. Люди не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять по-новому. Февраль победил, потому что *все* полки, расквартированные в Петрограде, перешли на сторону народа. В стране двоевластие: Временное правительство и Советы. Временное неустойчивое равновесие. И Ленин решается на вооружённое восстание против Временного правительства именно тогда, когда чаша весов, на которой были Советы, *перевесила*. Вся власть уже фактически перешла к Советам. И вооружённое восстание, и арест Временного правительства были по сути *формальным* актом передачи власти. Поэтому он и произошёл почти бескровно. (У нас в 93-м было угрождено гораздо больше народу. Но на вид это Ельцину никто не ставит. А ставят ему памятник на месте снесённого им дома купца Ипатьева, в котором была угрблена царская семья.)

Но и фактически Советская власть победила только тогда, как отмечал Ленин, когда в деревне были организованы *комбеды*. Это произошло только весной 1918 г. Без комитетов бедноты в деревне продразвёрстка была бы невозможна, и Революция погибла бы от голода. Решила опять-таки *масса*, бедняцкая и, с оговорками, середняцкая деревенская масса.

Ленина обвиняли, и обвиняют, в том, что он решил строить социализм в отсталой стране. Социализм предполагает, как минимум, ликвидацию крупной капиталистической собственности. Но Ленин уже в 18-м году писал, что мы «слишком много нахапали», т. е. национализировали, так что не можем этого переварить. Легко прогнать хозяина, или директора, завода, а кто этим всем будет *управлять*? Матросики, конечно, могли на некоторое время заменить взбунтовавшихся барышень-телефонисток. Но управлять заводом, управлять промышленностью, железной дорогой. Здесь нужны «спецы». И Ленин делает уступку старым «спецам», создавая им те материальные условия жизни, которые они имели до того и к которым они привыкли. Социализм пока что только один из пяти хозяйственно-экономических укладов. И Ленин считал, что *государственный капитализм* был бы для нас самым подходящим.

«При нашей некультурности, - цитирует Булавка Ленина, - мы не можем решить лобовой атакой гибель капитализма» (С. 381). Чтобы совершить *социалистическую* революцию, необходимо совершить *культурную* революцию. Масса полна энтузиазма строить социализм. Но на одном энтузиазме социализм не построишь. И, кстати, демонтаж социализма, как он происходил у нас, сопровождался культурной контрреволюцией, т. е. *раскультиванием* масс. И, вместе с «открытым обществом» мы получили культурное одичание, и, прежде всего, так называемой интеллигенции, которая стала ругаться матом.

Понятно, что там, где Ленин, там и «верный продолжатель его дела» тов. Сталин. Тема Сталина специально затронута в большой статье **Бориса Федоровича Славина** «Ленин: философия создания социализма в России». Славин очень тщательно и подробно анализирует историю идейной борьбы вокруг проблемы построения социализма в нашей стране. И здесь, как считает Славин, сталкиваются позиции по этому вопросу Ленина и Сталина. Согласно Ленину, социализм есть, как уже было сказано, *живое творчество масс*. Позицию Сталина Славин характеризует следующим образом: «...Сталину, - пишет он, - в отличие от Ленина всегда было присуще сугубо бюрократическое представление о методах строительства социализма, задачах и функциях Советского государства. Если Ленин был уверен, что социализм нельзя создать без инициативы снизу, без опыта народа, то Сталин рассматривал массы в качестве сырого материала, с которым можно проводить любые социальные и политические эксперименты» (С. 447).

Говорится далее и о расхождениях Ленина и Сталина по национальному вопросу, и о «Письме к съезду». Славин во всех случаях на стороне Ленина против Сталина. Но вот какое впечатление возникает. И это не только в связи со статьёй Славина. Жижек в своей статье «Размышления о Ленине» начинает так: «Первая реакция публики на идею об актуальности Ленина – это, конечно, вспышка саркастического смеха. С Марксом все в порядке сегодня, даже на Уолл-

стрил есть люди, которые любят его: Маркса – поэта товаров, давшего совершенное описание динамики капитализма, Маркса, изобразившего отчуждение и овеществление нашей повседневной жизни. Но Ленин! Нет! Вы ведь не всерьёз говорите об этом?! Разве Ленин не олицетворяет собой полный провал осуществления марксизма на практике, колоссальную катастрофу...» и т. д. (С. 405)

Если говорить о «катастрофах», то и Маркс с Энгельсом потерпели «катастрофу» в революции 1848-49 гг. Дело кончилось судом над «Союзом коммунистов» и эмиграцией в Англию. Но как только возникало, и возникает сейчас, какое-то освободительное движение, происходит и оживление марксизма. Не так давно мне пришлось наблюдать истерические вопли одного русского националиста по поводу того, что тов. Сталин якобы истреблял русский дух своей политикой пролетарского интернационализма, и по поводу распространения сталинизма среди нынешней молодёжи. Я, во-первых, тут же вспомнил Ленина о том, что русские инородцы всегда пересаливали по части великодержавного шовинизма. Это о Сталине и Орджоникидзе. И, во-вторых, увлечение сталинизмом нынешней молодёжи понятно, - это разочарование в политике нашего либерального правительства на фоне того величия, которого достигла Россия в составе Советского Союза при Сталине. Я хочу сказать, что даже всякая попытка просто говорить о Сталине, не обзывая его тираном и убийцей, закрывает дорогу не только в либеральное «открытое общество», но тебя не будут слушать даже твои друзья-«марксисты». И антисталинская риторика крепчает по мере того, как терпит провал олигархический либерализм с его антинародной, антидемократической политикой. Не говорю, что я этого хочу. Я утверждаю, что так есть и так будет.

Со Сталиным мы покончили. И у нас остаётся последняя тема. Это *диалектика*. Эту тему развивает в своей статье «В. И. Ульянов: *Философия, опредмеченная в историческом*» Александр Владимирович Бузгалин. В статье отмечается, что две основные новации Ленина - это «основы материалистической диалектической логики и теории империализма как новой стадии капитализма» (С. 258). Видимо, так и есть. Но тогда требуется изложить содержание ленинской работы «Империализм как высшая стадия развития капитализма». Это важно, тем более, что в работах буржуазных экономистов тот качественный сдвиг, который связан с понятием империализма и монополии, нашёл только косвенное отражение. Прежде всего, речь идёт о работах Т. Веблена, Й. Шумпетера и Дж. М. Кейнса. Но этот вопрос почему-то не нашёл достаточно полного отражения во всей работе и в статье Бузгалина тоже. Тема Ленин-экономист, как я уже отмечал, слабое место всей книги. С диалектикой дело обстоит лучше.

«Если оставить в стороне ряд не слишком удачных коллективных работ, - пишет Бузгалин, - то следует выделить две выдающиеся, на мой взгляд, разработки. Серию книг и статей Эвальда Ильенкова (они позднее были объединены в книгу «Диалектическая логика») и книги Виктора Вазюлина. Первый, на мой взгляд, стал действительным и прямым продолжателем ленинской традиции... Второй предложил существенно иной, чем у В. И. Ленина, взгляд на диалектику, особенно в вопросах соотношения исторического и логического» (С. 261–262).

Да, были два диалектика, которые писали о диалектике, логике «Капитала» Маркса. И тут важно показать разницу в подходах этих двух авторов. В. Вазюлин видел свою задачу в том, чтобы показать соответствие логики капитала, как она нашла отражение в «Капитале», гегелевской «Науке логики». То, что такое соответствие в определённом отношении имеет место, это понятно, потому что «Наука логики» есть логика всякого человеческого мышления, а потому и мыслящего рассмотрения такого конкретного предмета, как капитал, у Маркса. Но задача всякого мыслящего рассмотрения заключается в том, чтобы понять и выразить *собственную логику* конкретного предмета, а не вывести ее из некоторой *общей логики*, хотя бы и диалектической. Диалектика требует, как это отмечал и В. И. Ленин, отдаться *собственной жизни* предмета и, как бы со стороны, наблюдать его развитие. Вот этого, в отличие от Ильенкова, не понял Вазюлин.

Когда я впервые прочитал «Логика «Капитала»» Вазюлина, то обозлился необычайно. Но «позитивным» результатом моей «злости» явился некий текст, из которого Ильенков рекомендовал мне соорудить кандидатскую диссертацию. А критиковать Вазюлина он мне «запретил» под тем предлогом, что это очень слабый противник, а рекомендовал продемонстрировать свою диалектическую умственность на критике Альтюссера. Вот с тех пор я и не критиковал Вазюлина.

Маркса часто «критиковали» за то, что он делает вывод о неизбежности гибели капитализма, опираясь на «диалектические костыли», на основе закона *отрицания отрицания*: экспроприаторов экспроприруют. Но первая экспроприация мелкой собственности ремесленников и крестьян происходила не по диалектическим законам, а по произволу английских лендлордов, так называемое «огораживание». И Гегель тут не виноват. Второе отрицание происходит тоже не по Гегелю, а имманентной игрой законов самого капитала, в результате такой концентрации производительных сил, что частная собственность становится неадекватной формой их функционирования. Назревает *противоречие* между *общественным* характером производства и *частной* формой присвоения. Как это противоречие разрешится, это уже вопрос настоящей и будущей *истории*. В этом и состоит основная суть диалектики логического и исторического: вопросы, поставленные логическим анализом, могут быть решены только *исторически*, - и в смысле

реальной истории, и в смысле исторической науки.

Подводя итог, я сказал бы о выдающейся роли данной книги. Но я не могу отделаться от впечатления, которое осталось, когда я покупал эту книгу в книжной лавке, которая помещается в здании бывшего Архива Маркса-Энгельса. Когда я спросил продавщицу про интересующее меня издание, то она очень удивилась тому, что есть ещё люди, которые читают книжки про Ленина. А когда я ещё сказал ей про «Колбаску», на деньги которого издана эта книга, - так я ей объяснил, почему книга дешёвая, - то она ответила: ну и шуточки у вас, марксистов. Так мило мы побеседовали. Но вопрос остался: кто же будет читать эту книгу...